

ШЕДЕВР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Алекс БРАНДТ

ПЛАМЯ МАГДЕБУРГА

Москва
2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Павла Трофимова*

Брандт, Алекс.
Б87 Пламя Магдебурга / Алекс Брандт. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Шедевр исторического романа).
ISBN 978-5-699-98953-9

В самый разгар Тридцатилетней войны, огнем пожирающей Европы, к Магдебургу — оплоту протестантской веры — подступила огромная армия кайзера. Древний город взят в кольцо осады, и его падение — лишь вопрос времени, если на помощь не подоспеет непобедимая армия шведского короля. Тем временем отряды наемников из католической армии рыщут по окрестностям, грабя мирные городки и села, отнимая у людей последнее и убивая всех тех, кто осмеливается им противостоять. Группа молодых горожан во главе с Маркусом Эрлихом решает отомстить солдатам за их бесчинства. Так некогда тихие бюргеры становятся охотниками за головами. Мир, который был так дорог Маркусу и его товарищам, рушится прямо у них на глазах, и обратной дороги нет ни для кого...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98953-9

© Алекс Брандт, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

«Германия, о прекрасная и славная земля! Сколь велики бедствия, поразившие тебя, сколь тяжело твое горе! Война терзает тебя, огонь пожирает твои селения, голод и мор забирают твоих детей. Нет более числа умершим и искалеченным, нет числа обездоленным и несчастным, и кровь проливается на твои пашни подобно дождю...»

Крупные угловатые буквы воззвания были отпечатаны довольно плохо. Пробежав глазами первые несколько строк, Карл Хоффман поморщился и вытащил из бархатного футляра очки.

«...Кто же повинен во всех этих несчастьях? Кто повинен в том, что в империи не осталось более закона и справедливого суда, что сильный не защищает слабого, что торговля и ремесла пребывают в упадке, а некогда богатые и плодородные земли обратились в пустыню? Узри же своего врага, Германия! Того, кто презирает права сословий и не чтит заключенных договоров; того, кто отринул и растоптал все клятвы и обещания, данные его предками; того, кто желает уничтожить истинную церковь, а всех германцев сделать рабами римского папы; того, кто режет германские земли, будто кусок полотна, и раздает их своим

приспешникам. Узри его и произнеси его имя — имя жестокого и вероломного Фердинанда Габсбурга!¹

Германия, вот твой истинный враг! Со времен норманнов и венгров не было у тебя врага страшнее, ибо что может быть страшнее могущественного правителя, ненавидящего свой народ? Что может быть страшнее государя, забывшего о своем долге и благе подданных, государя, сделавшегося марионеткой в руках римского Антихриста?

Истинный государь призван охранять в своих владениях мир, обязан чтить законы Империи, быть своему народу не жестоким тираном, но любящим и заботливым отцом. Но разве тот, кто десять лет назад принял из рук курфюрстов императорскую корону и с тех пор стал именовать себя кайзером, сделался добрым правителем для Германии? Свое царствование он начал с того, что силой оружия отнял у Фридриха Пфальцского² его титул и земли и передал их — без суда, без согласия имперских чинов — своему кузену, Максимилиану Виттельсбаху³. Чтобы утратить недовольных, он призвал в страну испанских солдат. Он раздул пламя войны по всей Империи, уничтожая любого, кто осмеливается бросить вызов его несправедливой и незаконной власти. Он наводнил страну своими отрядами и гарнизонами, которые беспрестанно грабят людей и опустошают землю, уничтожая богатства, копившиеся веками, тысячи семей обрекая на голод и нищету...»

Бургомистр снял на секунду очки, устало потер глаза.

¹ Фердинанд II Габсбург (1578–1637) — император Священной Римской империи германской нации с 1619 по 1637 г.

² Фридрих V Пфальцский (1596–1632) — курфюрст Пфальца; король Чехии (1619–1620), один из лидеров протестантской партии в Германии.

³ Максимилиан I Виттельсбах (1573–1651) — герцог Баварии, глава Католической лиги.

Путешествие порядком утомило его, и он не мог дожидаться, когда они наконец доберутся до Магдебурга. Карета выехала еще на рассвете, и вот уже без малого три часа они тряслись по разбитой, петляющей меж деревьев дороге. От тряски, от натужного скрипа колес у него начала болеть голова, а спина затекла так, как будто он протащил на ней мешок с углем.

Бургомистр был уже стар. Его жирные щеки обвисли и покрылись морщинами, короткие волосы приобрели неприятный пепельный оттенок. Минувшей весной ему исполнилось пятьдесят три — весьма солидный возраст, особенно если учесть, что в Кленхейме редко кому случалось дожить до пятидесяти.

В последнее время годы все сильнее стали тянуть Карла Хоффмана вниз, пригибать к земле. Еще совсем недавно он мог без посторонней помощи сесть на лошадь и проскакать несколько миль, и даже в Магдебург предпочитал ездить верхом, а не в карете. Но теперь о верховой езде пришлось забыть. И если бы только о верховой езде. Любое физическое усилие давалось ему нелегко. От долгой ходьбы у него начиналась одышка, он не переносил жары и не мог поднимать тяжести. Ему пришлось заказать знакомому башмачнику в Магдебурге новые туфли из мягкой кожи — прежние стали слишком жесткими, в них сильно болели ступни.

«Пора, пора уходить на покой, — подумал он. — Если уладим дело с фон Майером, так и объявлю на Совете. Найдут, кем меня заменить. Тот же Эрлих или Грёневальд вполне подойдет на мое место...»

Он тяжело вздохнул, провел ладонью по низкому лбу. Снова поднес к глазам измятый листок:

«...Своему жестокому слуге, Альбрехту Валленштайну¹, Фердинанд даровал герцогство Мекленбургское,

¹ Альбрехт фон Валленштайн (1583–1634) — главнокомандующий имперской армией, имперский генералиссимус, герцог Фридландский и Мекленбургский, один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

при помощи грубой силы отнятое у истинных правителей, герцогов Адольфа Фридриха и Иоганна Альбрехта. Его войска вероломно атаквали Штральзунд, до того не принимавший никакого участия в войне и ничем не нарушивший законов Империи. Вопреки решению соборного капитула, он передал власть над Магдебургом своему сыну, Леопольду Вильгельму, а когда город отказался подчиниться, подверг его жестокой осаде. Он утвердил Реституционный эдикт¹, который лишил протестантов Германии всех прав и имуществ, позволил изгонять их из родных мест, словно бродяг, сделал их беспомощными и нагими перед грубым произволом римских церковников.

Стоит ли еще перечислять несправедливости и беззакония, которые творятся именем кайзера и по его прямому приказу? Ограбленные города, разоренные земли, трупы, гниющие на полях, оскверненные алтари — требуются ли иные свидетельства его преступных деяний? Все те годы, что длится война, Фердинанд Габсбург воюет не с внешним врагом, а со своими собственными подданными. Воюет против князей, которые не желают подчиниться ему; против городов, которые не хотят принимать у себя его гарнизоны; против простых людей, которые не в силах более терпеть притеснения его войск. В этой войне у него есть только одна цель — самодержавная власть. Власть неограниченная, не связанная ничем, позволяющая распоряжаться судьбами германских земель по своему усмотрению, дающая право устанавливать подати, не спрашивая мнения сословий, казнить неугодных, волей своей объявлять войну или заключать мир. Власть совершать все то, что позволено испанскому королю Филиппу или московскому царю Михелю Теодору. Власть, позволя-

¹ Реституционный эдикт — указ, изданный императором Фердинандом II в 1629 г., согласно которому часть протестантских земель, включая Магдебургское архиепископство, должна была быть возвращена католической церкви.

ющая лишить немцев их исконных свобод и возложить Империю, как драгоценный трофей, к стопам главного ненавистника Германии — римского папы...»

Хоффман прервал чтение и откинулся на жесткую спинку сиденья.

Сколько подобных воззваний уже разошлось по разным уголкам Империи? Говорят, что в магдебургских мастерских их печатают сотнями, а затем отправляют с торговыми кораблями вверх и вниз по реке, прячут в трюмах среди товаров, чтобы не отыскивали имперские чиновники и солдаты, а после выгружают в Гамбурге, Мейссене, Дрездене, Виттенберге — повсюду, где еще можно найти людей, ненавидящих католическое правление и готовых рискнуть своей шеей ради защиты истинной веры.

Вот только много ли во всех этих воззваниях правды? Стоит ли одного императора винить в том, что произошло в Германии за последние несколько лет? Да, Фердинанд жесток, ему наплевать на титулы и законы, ради упрочения своей власти он не останавливается перед любым, даже самым чудовищным кровопролитием и противников своих не щадит. Но так ли уж благородны и честны те, кто противостоит ему? Разве богемские дворяне под предводительством графа Турна¹ не вторглись с двадцатитысячной армией в Австрию и не обстреливали из пушек укрепления Вены? Разве Мансфельд и Христиан Брауншвейгский² не грабили мирных деревень, не накладывали контрибуций, не сжигали католические монастыри и церкви ради того, чтобы набить золотом собственные сундуки?

Что толку теперь рассуждать об этом... Война принесла императору удачу, его противникам — унижение

¹ Индржих Матиаш Турн (1567–1640) — лидер чешских повстанцев, один из лидеров протестантской партии в Империи.

² Петр Эрнст фон Мансфельд, Христиан Брауншвейгский — командующие армиями протестантов.

и позор. Армию чешских протестантов католики уничтожили при Белой Горе¹. Баварский герцог и испанский король — союзники кайзера — поделили между собою Пфальц. Тилли² и Валленштайн наголову разгромили датского короля Христиана³, решившего прийти на помощь своим единоверцам в Германии. И вот сейчас, двенадцать лет спустя после начала войны, вся Империя лежит в страхе перед Фердинандом и никто не осмеливается возвысить свой голос против него. Бранденбург и Саксония безмолвствуют. Вюртемберг, Баден, Гессен, Брауншвейг, равно как и остальные протестантские княжества Империи, склонились перед мощью католических армий. В Германии у кайзера не осталось больше противников...

Карету подбросило на очередном ухабе, и Хоффман недовольно поморщился. Как же холодно и неудобно, как затекла от неудобного сидения его спина... Он бы многое отдал сейчас, чтобы вновь очутиться в своем кресле перед горящим камином, чтобы ноги его укрывал шерстяной плед и чтобы Магда принесла ему кружку подогретого молока. Путешествия так вредны в его годы...

Он перевел взгляд на своего попутчика. Хойзингер сидел, уткнувшись в бумаги, и его слегка выпученные, внимательные глаза быстро пробежали от строчки к строчке. Наверное, просматривает какие-то счета или же заново проверяет расписки, которые они должны показать сегодня фон Майеру... Что ждет их

¹ Битва при Белой Горе (8 ноября 1620 г.) — битва, в которой войска Католической лиги разгромили армию чешских повстанцев.

² Иоганн Церклас фон Тилли (1559–1632) — имперский фельдмаршал, главнокомандующий армиями императора и Католической лиги, один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

³ Христиан IV (1577–1648) — король Дании, в 1625 г. объявивший войну императору Фердинанду, но после ряда поражений вынужденный подписать мирный договор.

в Магдебурге? Не исключено, что фон Майера сейчас вообще нет в городе или же он — в силу своей занятости и того высокого положения, которое он занимает в магдебургском совете, — не сможет принять их и выслушать. И что им придется делать тогда? Отыскивать поверенных, готовых вести дело в суде? Писать жалобы, искать обходные пути в канцеляриях? Сколько времени, сколько сил будет потрачено на это...

Хойзингер отложил бумаги в сторону и потянулся.

— Все сходится, — сообщил он, стараясь подавить зевок.

— Что сходится? — переспросил бургомистр.

— Пятьсот талеров серебром, — пояснил тот. — Якоб не ошибся в расчетах.

Бургомистр слабо кивнул и ничего не ответил.

Дорога медленно плелась вдоль кромки густого леса. Подковы мягко стучали, скрипел разошедшийся короб кареты, плыла по сторонам пустая, потускневшая без теплого солнца земля. На вершине холма показался каменный крест — выщербленный, высокий, схваченный у основания темными ладонями мха. Чуть дальше согнулись в пояс, уткнувшись верхушками в дорожную пыль, надломленные стволы берез — год назад в здешних местах прошел ураган.

Молчание прервал Хойзингер.

— Ты напрасно уделяешь столько времени этим бумажкам, — сказал он, ткнув маленьким пальцем в сторону отпечатанного листка. — В них только глупость и безрассудство, и ничего более. Кайзер не простит Христиану Вильгельму¹ подобных воззваний, равно как и союза с королем Густавом².

¹ Христиан Вильгельм Гогенцоллерн (1587–1665) — наместник Магдебургского архиепископства (1598–1631), один из лидеров протестантской партии в Империи.

² Густав II Адольф Ваза (1594–1632) — король Швеции (1611–1632), один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

Бургомистр вздохнул, пожевал губами.

— Что, по-твоему, сделает Фердинанд? — спросил он. — Снова двинет к Магдебургу войска, прикажет начать осаду?¹ Думаешь, прошлогодняя неудача ничему не научила его?

— Откуда мне знать, что именно сделает император? — дернул щекой Хойзингер. — Одно могу сказать: союза с королем Швеции он ни за что не потерпит. Скажи мне, Карл: для чего Магдебургу понадобился этот союз? Какие мы, к черту, союзники? Уверю тебя, при первой же возможности король сторгуется с Фердинандом за наш счет, вытряхнет нас из своего кошелька, как мелкую монетку. Куда Магдебургу тягаться с императором? Большая свинья всегда поросенка задавит. Сидеть бы нам теперь тихо, не высовываться... Не то сейчас время, чтобы свой гонор показывать и поднимать на всю Германию шум.

— По-твоему, Его Высочеству следовало не заключать союза со шведами, а поклониться вместо этого кайзеру? Пойти с Фердинандом на мировую, без боя отдать здешние земли католикам? Это же смешно, Стефан...

Хойзингер склонил голову набок, чуть подался вперед:

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Беда не в том, что Его Высочество заключил с королем договор, а в том, как и когда он его заключил. Сейчас, когда Швеция объявила Империи войну, а король Густав со всей своей армией высадился на северном побережье, такой договор нельзя назвать ничем иным, как глупостью. Я уже не говорю о том, чего будет стоить эта новая дружба. Знаешь, я тут недавно занялся подсчетами — стало любопытно, во сколько Кленхейму обходятся военные авантюры наших правителей. Так, так...

¹ В 1629 г. армия герцога Валленштайна на протяжении нескольких месяцев осаждала Магдебург.

Годовую подать за последние десять лет увеличили в три раза. Неплохо, правда? Так, дальше... Магдебург установил новую ввозную пошлину на свечи — четыре талера за ящик вместо прежних полутора... Для содержания войск Его Высочества отдали интендантам десяток лошадей и две подводы с зерном... Что еще? Введен налог на содержание укреплений... Ротмистру Хеммке выплачено на основании предписания канцелярии наместника две сотни талеров для чрезвычайного — слово-то какое: чрезвычайного! — найма солдат...

Он сокрушенно махнул рукой.

— Да что говорить... Известное дело: о чем в кабаке бубнят — в государственном совете не слышат. Одно скажу: без толку читать все эти воззвания. В судьбе Кленхейма они ничего не решают. Меня куда сильнее заботит, когда мы наконец получим из Магдебурга деньги.

— Фон Майер поможет все уладить.

— Признаться, Карл, я не очень-то рассчитываю на его помощь... Что может сделать фон Майер? И ты, и я знаем, что дела в Магдебурге идут неважно. Да и у кого они теперь идут хорошо? Из-за проклятой войны торговли совсем не стало. Провизию купить негде, крестьяне ничего не хотят продавать. Клара Видерхольт хвастала недавно, что ей удалось выменять шесть фунтов сушеной рыбы в Рамельгау. Представляешь, событие?! Даже такой мелочи теперь люди радуются. И что за примерами далеко ходить — ты знаешь, я большой охотник до чесночных колбас, особенно если их сделать с приправами и соли в меру. У нас их готовить толком никто не умеет, и прежде я покупал их в Гервише, у тамошнего мясника. Пару кругов колбасы за полталера — дороговато, конечно, но того стоит. А сейчас он отказывается продавать даже за тройную цену. Вот так-то. Раньше можно было раздобыть все: и молоко, и зерно, и овощи, были бы только деньги. А сейчас — ни денег, ни съестного.

Крестьяне разбегаются кто куда, деревни обезлюдели. В Мюлихе и Гёллене дома стоят пустые, никого нет. В Лозовитце всех коров забили на мясо, лишь бы не достались солдатам. Помнишь, что рассказывали те двое беженцев из Лебена? Солдаты ворвались в их деревню, забрали весь хлеб и увели скотину, ничего не оставили. От голода им пришлось есть дождевых червей вместе с землей. Даже не знаю, как они смогли выжить... Вот, посмотри!

Хойзингер отодвинул оконную шторку, и взгляду бургомистра открылось неровное, заросшее сорняками поле.

— Видишь? Раньше здесь сеяли ячмень, а теперь все заброшено.

Он задернул шторку обратно.

— Так повсюду, Карл, все приходит в упадок. Замирает торговля, уезжают люди, а вместе с ними уходят деньги и товары. Мы привыкли жить на богатой земле, долго ли протянем на бедной?

— Ты преувеличиваешь, — после некоторой паузы произнес бургомистр. — Рано или поздно скупщики заплатят. Магдебург все равно должен где-то покупать свечи, они не смогут без нас обойтись.

— Если бы так, — пробормотал Хойзингер. — Но порой мне кажется, что Магдебургу нет до нас никакого дела. Что такое Кленхейм — пять дюжин дворов да церковь, одно название, а не город. — Он усмехнулся невесело: — Знаешь, Карл, я боюсь не того, что нападут солдаты. Слава богу, живем посреди леса, вдали от дорог, и не так-то просто нас отыскать. Страшно то, что мы можем пойти по миру, что в Кленхейме начнется такой же голод, как и везде. От солдат можно отбиться или спрятаться в лесу, а куда денешься от бескормицы? Нужны деньги, Карл, очень нужны. Ты не хуже меня знаешь: выплата жалованья, содержание построек, подати наместнику — на все это Кленхейм тратит теперь не меньше двухсот талеров в год.

И где, скажи, взять столько? Положим, около пятидесяти талеров удастся выручить от продажи сена и дерева, еще столько же дадут налоги и штрафы. Остальное должен перечислять цех, но цех в этом году не отдал в городскую казну и половины положенного, коль скоро сам не получает оплаты от скупщиков. И что мне прикажешь делать со всем этим? Денег нет, но при этом каждый считает своим долгом требовать их. Отцу Виммару понадобилось десять талеров на черепицу для починки церковной крыши, у Шёффля на мельнице износились шестерни и нужно покупать новые, Гримм требует платежа по прошлогоднему векселю. А третьего дня в ратушу приходила эта ненормальная, вдова Витштум, устроила настоящий скандал — почему, дескать, перестали выплачивать пенсион, который был ей назначен по смерти мужа. Я, разумеется, показал ей решение Совета на этот счет, но она раскричалась и назвала меня мошенником, который присваивает чужие деньги. Еле удалось выставить ее за дверь. А сейчас, посмотрю, написала письмо в городской совет.

Бургомистр принял из рук Хойзингера листок с половинками сломанной восковой печати. Маленькие неровные буквы, строчки, ползущие вверх:

«Многоуважаемым господам советникам, по правде, закону и установлению Божию — Эрика Витштум, вдова, в лето тысяча шестьсот тридцатое от Рождества Христова. Да будет известно господам советникам, что в отношении нашего семейства, именем своим обязанного моему мужу, Альфреду Витштуму, учителю, умершему два года назад, совершается большая несправедливость».

Почерк был мелкий, и, чтобы читать дальше, бургомистру пришлось снова надеть очки.

«Ввиду уважения, которым пользовался в Кленхейме мой упокойный муж, ввиду его доброго имени и заслуг, которые никто никогда не оспаривал, семейству нашему по смерти мужа был назначен пенсион в два